СМЕНА
Ленинград
3 СЕВ 1985

Воскресный гость «Смены» — актер Малого драматического театра Сергей БЕХТЕРЕВ

ПОЛЕТЫ ВО СНЕ И НАЯВУ

«Почему я? — искренне недоумевая, спросил Сергей Бехтерев, услышав предложение стать воскресным гостем «Смены». — Я ведь без званий, да и главных ролей пока не играл...» И тут только я подумала: действительно ведь, не играл, почему же тогда его имя произносится среди самых популярных имен молодых наших артистов, почему у меня — и наверняка не у меня одной — такое ощущение, что актер этот постоянно на виду, что все мы его давно знаем, что именно он, как мало кто другой, умеет касаться заветных струн в зрительских сердцах.

Тогда и вспомнилось одно замечательное высказывание — я приведу его не вполне точно, но подчеркну суть, которая удивительно, на мой взгляд, соответствует истине: результат в искусстве определяется единицами вложенности жизни в то дело, что человек искусства делает. И если мы станем оценивать этой меркой, то сегодняшние достижения Сергея Бехтерева намного перекроют чьи-то главные роли, чей-то мимолетный и стремительный успех. Вложенность жизни... Многие ли так относятся к делу?

В Малый драматический театр Бехтерев попал, окончив в 1979 году Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии по классу профессора А. И. Кацмана и педагога Л. А. Додина. Курс был знаменитым (это сейчас слава второго кацмановского выпуска, известного широкому зрителю по представлению «Ах, эти звезды», перекрыла известность первого, да и время уже прошло, а тогда спектакль «Братья и сестры», поставленный в Учебном театре, был воспринят как сенсация, как возврат к былым славным временам ленинградской студенческой сцены).

Итак, курс был знаменитым, критики видели в нем вполне состоявшийся молодежный театр, во всяком случае надежный костяк для такого театра. Но так, как хотелось, не получилось, большинство уехало в Томск, Бехтерев вместе с несколькими своими сокурсниками пришел в Малый драматический.

Они не знали тогда, что несколько лет спустя сюда придет главным режиссером их педагог, но знали, что его «университеты» останутся в их актерской жизни навсегда. Додин о Бехтереве сказал однажды, что еще в студенческие годы он был на курсе общепризнанным лидером — в человеческом, духовном смысле. И еще сказал, что уже тогда наметились истоки его будущей актерской темы — темы добра его незащищенности и неиссякаемости.

Сейчас в Малом драматическом девять человек с того, первого, и двое из «звездного» выпуска. В группе они не пытаются выделиться ничем иным, кроме как этой самой «вложенностью жизни» в свое актерское дело. Этому не научить, но что-то все-таки, очевидно, было...

Те, кто видел спектакль «Дом», конечно, помнят Григория, одного из братьев Пряслиных, которого так удивительно играл Бехтерев. Это потом, задним числом, мы могли осознать, что практически Григорий и слов-то на сцене не произносит, а вот стоит только и смотрит, и видит, и все-все понимает, и за всех ему так больно, что из зала — невозможно глядеть. Бехтерев наполнял этот исполненный правды спектакль своим всеобъемлющим присутствием, его глаза, казалось, смотрели на героев и будили в них совесть в те даже минуты, когда его рядом и не было вовсе.

А сегодня в Малом драматическом — последние дни перед выпуском «Братьев и сестер». Новый спектакль по Федору Абрамову будет идти в два вечера и станет еще одним прочтением знаменитой книги. Со времени студенческого спектакля прошло шесть лет, и теперь это будет, естественно, совершенно другой спектакль, с другими актерами, сделанный хоть и тем же, но уже другим режиссером, на новом витке его собственной жизни и его понимания Абрамова.

В первые дни нынешнего сезона они поехали в Верколу, к Абрамову.

— На Пинеге, — рассказывает Бехтерев, — я оказался второй раз. Впервые это было, когда еще студентами ставили «Братьев и сестер», тогда еще был жив Федор Александрович Абрамов. Сейчас мы ехали на его родину. Ехали, чтобы оживить в памяти людей, с которых писались абрамовские образы, чтобы подышать тем воздухом, которым наполнен роман, чтобы знать, как проходит на самом деле та северная, та нелегкая жизнь. Мы играли там сцены из «Дома», и это было ужасно страшно — как же мы сумеем сыграть этим людям о них самих, сыграть их жизнь! Знаете, с некоторыми из нас была настоящая истерика, ни разу в жизни никто из нас так не волновался. Это был наш самый важный и самый ответственный экзамен.

На Севере сегодня можно встретить так много исконного, абсолютно подлинного. Вы даже не представляете, какие там чистые и настоящие люди. Надо видеть их руки — это же самые настоящие коконы. Мы начали наконец понимать, откуда и как родился этот удивительный абрамовский мир.

Еще в первый наш приезд местные жители искренне удивлялись, чем они могли заинтересовать театр, — ведь в их жизни нет ничего интересного... А нам это было не просто интересно — мы получили удивительный урок и увозили оттуда ощущение подлинной и непридуманной жизни, и еще кое-какие костюмы, и реквизит, и собранные нами песни...

И вот сейчас мы перед выпуском «Братьев и сестер». А знаете, с чего начиналось? Я, например, заставлял себя возненавидеть тот студенческий спектакль. Помнится, нам говорили тогда: лучше уже нельзя. А здесь с самых первых репетиций стало понятно, что между тем спектаклем и этим всеми нами пройден очень длинный путь — к Федору Александровичу Абрамову. Раньше мы что-то под себя подминали, даже кое-кого из персонажей могли из действия убрать. А сейчас держимся за каждую ремарку, ни на шаг не отступаем от писателя.

Мне в этом спектакле доверено быть еще и ассистентом режиссера. Дело это для меня новое, хотя еще в «Доме» доводилось выполнять ассистентскую работу. Но здесь уже приходится репетировать с актерами — а это и страшно, и увлекательно... А вообще-то артист должен играть. Режиссура — совсем иная профессия.

— А вспомните, как пришли к своей профессии! Через сомнения или, наоборот, не сомневаясь!

— Очень хорошо помню тот день, я учился тогда в четвертом классе, когда вдруг безумно захотел стать актером. Сейчас смотрю на фотографии того времени: обязательно на них что-нибудь такое делаю — или декламирую, или танцую, или пою. Театра я в то время совершенно не знал. Зато знал кино и все свои детские копейки после того злосчастного дня тратил исключительно на кино. Иногда смотрел по три фильма в день — в ущерб урокам, конечно, так и ходил из кинотеатра в кинотеатр.

В девятом классе стал заниматься в студии художественного слова во Дворце пионеров, у Екатерины Федоровны Ивановой. Остальная «самодеятельность» была целиком самостоятельной. В школе чуть не до двенадцати ночи оставался — придумывал какие-то номера и даже целые спектакли. В деревне, куда ездил летом, делал немыслимые концерты, собрав вокруг себя деревенских ребят. Деревня наша была богом забытая, концертов там никто не видел, потому на наши съезжались со всей округи — кто на лошади, кто на тракторе. Должен сказать, что такого успеха, как тогда, у меня после никогда и не было...

Ну а дальше — дальше поступил в Театральный институт. К кому поступать, мне тогда было решительно все равно. Могу только благодарить судьбу, что она распорядилась так, что попал я на курс к Аркадию Иосифовичу Кацману. А понимание — оно позже пришло. Может быть, только сейчас...

Что касается сегодняшнего дня, то, пожалуй, у меня сейчас период, который называется «на распутье». Все мои роли в театре пока очень небольшие. Их много, но это обычно всего несколько минут, играю, что называется, «по сценам». И меня волнует очень, сумею ли я удержать зал надолго, смогу ли пронести через весь спектакль сквозное дыхание — хватит ли его у меня? Вот мучаюсь сейчас этим, что-то в себе ищу... Сказать хочется очень многое, и пора уже проявиться полнокровно. Мечтаю сейчас сыграть в «Повелителе мух» Голдинга, в спектакле, который мы хотим посвятить Московскому фестивалю. Я на этот спектакль — сам для себя — сделал очень серьезную ставку. Если там не получится то, что задумал, тогда... Тогда буду что-то решать с профессией, пока еще не слишком поздно... У меня ведь в крови иное заложено, все в семье моряками были. Может, и мне туда надо было идти, а не на сцену вовсе. Человек-то где проявляется? В море... Тут были мы на гастролях на Дальнем Востоке, так я, увидев океан, чуть с ума не сошел. Так он и снится мне с тех пор постоянно.

— Почему ж такая серьезная ставка делается именно на Голдинга!

— Очень это большой экзамен — работа над «Повелителем мух». Прошлым летом мы — те, кто должен быть занят в будущем спектакле — попробовали создать себе «предлагаемые обстоятельства», уехали на пустынный берег Каспийского моря и представили, что мы на том самом необитаемом острове, о котором в книге речь. Конечно, ничего там не репетировали, но учились ощущениям, которые будут так необходимы в работе над спектаклем. Девиз каждого дня был: ощущай! Ведь героям нашего будущего спектакля совсем мало лет, старшему — двенадцать. Вот нам и надо было вернуться в детство, снять с себя всю нашу «взрослость», если она есть, освободиться и раскрыться.

Может показаться очень странным, что мы в нашем взрослом театре собираемся играть детей. Но я убежден: надо быть очень взрослым, чтобы суметь сыграть ребенка. Чем мы в принципе от детей отличаемся? Ну, выросли, ну, потолстели, знаем, где улицу переходить. Но изменились-то, к счастью, мало. Хочется верить, что главное осталось. И вот, чтобы еще раз почувствовать, что на самом деле все мы дети — и в этом наше счастье и наше спасение, — мы и поехали на Каспийское море. Что из этого получилось — это спектакль покажет.

— Вы не видели в одной из последних «Литературок» интервью с Инной Чуриковой! Ее спросили, что такое жизнь актрисы. И она ответила: «Быт и секунды полета».

— Здорово ответила. В этом жизнь актера мало чем отличается от жизни актрисы. Конечно, для женщины быт тяжелее, но и нам от него никуда не деться. У меня — в прямом смысле слова, это не гипербола — вся жизнь проходит в театре. Домой прихожу поздней ночью. Чтобы утром пораньше опять уйти назад. Я не домой возвращаюсь, а из дома возвращаюсь в театр. Ну а выходной — он для быта.

Вот недавно Додин посмотрел один наш спектакль и сказал: видно, что его играют усталые артисты. Это сразу заметно — что устали, что быт заел. Наверное, потому так нечасты в наших спектаклях те самые «мгновения полета». А что надо, чтобы полет был? Питать себя постоянно надо—не бытом. Мне, например, обязательно надо смотреть картины и слушать музыку. Картины и музыка на меня поразительно действуют. Я должен ходить в Эрмитаж и слушать Вивальди. Или другую музыку прошлого, современную я не люблю и не понимаю. Если я не вижу картин и не слышу музыки — я и играть не могу. А времени не хватает... Ни на что.

А знаете, чем меня влекут другие искусства — и живопись, и музыка, и балет, — там я **умение** вижу. Наша профессия мне кажется тем прекрасной и тем ужасной, что так, как мы, почти каждый может. Лучше или хуже — но постарается и сможет. А вот в музыке, в балете — там избранные. И еще, возвращаясь к «полету», читать надо, а когда?

— Вот ведь какая получается неромантическая профессия. Чем же влечет она вас, Сергей! Что для вас это такое — актерство!

— Я этот вопрос задаю себе каждый день. Утром, когда иду в театр, и ночью, когда иду обратно. Чем влечет оно меня! Возможностью жить богато. Ведь каждый человек — это мир. Огромный и неповторимый. А мы на сцене познаем столько миров, проживаем столько жизней...

— А как же при этом со своей-то жизнью!

— А свою приходится отбросить. Думаю, что делить себя между своей частной жизнью и театром, если его любишь, нельзя. Что-то неизбежно выбираешь. Я выбрал.

— Но другие-то совмещают!

— А это всегда видно, когда совмещают. А потом я ведь о себе говорю, о своем в этом смысле идеале. Я думаю, что если так, до конца и без остатка отдаваться этой нашей странной профессии, то тогда, может быть, мы сможем дойти и до сути актерства — помочь людям увидеть истину, узнать правду. Ведь автор — сегодня он живет или века назад — через нас, и только через нас, говорит со зрителем. Мы полпреды его. Мы эту истину, преодолевая расстояния, несем. Иначе зачем мы?

С гостем встречалась
Т. ОТЮГОВА

Фото В. Васильева